На следующее утро Какаши готовился наконец-то лечь спать. По первоначальному плану он должен был поспать несколько драгоценных часов, а затем вернуться и заложить следы, чтобы сбить с толку преследователей, но Какаши недооценил силу своей совести. После того как они оба долетели до ближайшего укрытия, Какаши с ужасом понял, что это конец. Он больше никогда не вернется домой. Дом больше никогда не будет домом. Внезапно возникло желание уйти, сейчас же вернуться в деревню и увидеть ее в последний раз, пока не стало слишком поздно. Он послушался.

Конечно, Какаши знал, что это было слишком поздно, с тех пор как он впервые покинул стену, и увидел ее только со стороны, когда прокладывал тропы, чтобы сбить с толку преследователей, но неважно. Нужно было как-то удовлетворить свою тягу. Он сам поразился, насколько изменилось восприятие этого места благодаря вновь открывшимся чувствам. Обычными глазами он видел редкие факелы, но теперь ощущал присутствие самих охранников, включая тех, что прятались в укромных уголках стены, а также патрулирующих снаружи Тёмной стороны. Его усиленные чувства не только использовали темноту вместо света, но и улавливали другие вещи, которые не могли уловить никакие естественные органы чувств. Души людей, стоявших на страже, имели вес и, казалось, изгибали ткань пространства-времени. Минут пять он стоял неподвижно, завороженный пролетавшей мимо душой, которая обладала особенно необычными свойствами, поскольку его органы чувств могли не только определять наличие душ, но и их вид. Эта необычная душа была довольно свободна в своем теле. При каждом движении она слегка раскачивалась назад от кончиков пальцев рук или ног. Какаши задумался о последствиях этого и обнаружил, что его восприятие распространяется во времени.Нехорошо, когда душа отрывается от тела. Единственный способ ослабить душу - это огромные страдания; Какаши предвидел, что через несколько месяцев этот человек покончит с собой. А до этого он будет сильно болеть, так как клетки кончиков его пальцев будут останавливаться и разлагаться с каждым движением его души. Какаши отвернулся от этого и помчался прокладывать тропу на противоположной стороне деревни.

С этой стороны дело обстояло не лучше. Здесь было много душ, слегка помятых событиями войны. Какаши мог различить каждую метку. В целях самозащиты он обуздал свои чувства, оставив только общее ощущение присутствия души, необходимое ему для того, чтобы остаться незамеченным. К тому времени, когда он закончил, а это было примерно через 13 минут после того, как встревоженная душа впервые метнулась от его бывшего дома к дому Хокаге, Какаши уже не испытывал желания оставаться рядом с домом. Он медленно пошел прочь, засунув руки в карманы, чтобы они не дрожали. Когда он писал, что не сможет вернуться, он имел в виду, что это будет плохой идеей, как бы сильно он этого ни хотел. Я никогда не думала, что перестану этого хотеть.

Оглядываясь назад, можно сказать, что это было довольно глупо. Приобретение знаний имело неожиданный побочный эффект: оно делало отсутствие знаний довольно раздражающим. Если бы закаленному в боях шиноби пришлось вернуться в академию, где он провел свою невинность, его бы это раздражало. Он должен был понять, что все, что он видел старыми глазами, теперь покажется новыми пустыми. Какаши вздохнул. Хорошо, что я провел там последние несколько часов как человек. Теперь я им не являюсь.

Он выпустил из рук немного тьмы и придал ей форму точного подобия бумажной записки с надписью, похожей на чернила. Несмотря на многолетний опыт наблюдения за иллюзиями, все его тело затрепетало от осознания того, как легко можно подделать даже голую физическую

реальность. Какаши вздрогнул, просовывая записку через малейшую щель в комнату Орочимару на сегодняшнюю ночь. В записке содержалась просьба не будить Какаши утром.

На этот раз он правильно рассчитал свою совесть, и его разум действительно начал успокаиваться всего за полчаса до рассвета. Какаши разостлал в комнате полумрак, чтобы отгородиться от посторонних шумов, немного пошевелился, редактируя записку, чтобы Орочимару знал, что он волен поступать по своему усмотрению, и наконец погрузился в сон.

Проснулся он через два часа, уже зная, что Орочимару отправился на завтрак охотиться на мелких животных. Какаши знал, что с ними всё будет в порядке. Он зевнул, убрал всю свою темноту и встал, чтобы подождать.

В ожидании Какаши решил вскипятить воду, чтобы к возвращению Орочимару была готова чашка рамена. Так он обнаружил свойство своей тьмы, от которого Орочимару упал бы от восторга, если бы присутствовал при его открытии. К удивлению Какаши, он не мог создать даже простое огненное дзюцу. В его теле было ровно ноль чакры. Ни одной. Тогда Какаши втянул всю тьму в руки до прежних размеров и сел ждать, наблюдая за происходящим с помощью своих новых органов чувств.

Через полчаса он понял, что произошло. Пока он смотрел на это, он отправил часть тьмы в другую сторону, чтобы набрать камней и разжечь костер старым способом. Количество тьмы, содержащееся в его теле, по сути, обеспечивало неограниченное количество конечностей. Это было очень жутко, и Какаши совсем не хотелось исследовать это дальше, но зато это позволяло ему готовить кипяток, наблюдая за своими руками.

Вскоре после того, как он понял, что происходит, Орочимару вернулся с мышью и двумя птицами. Какаши поднял бровь, оценив охотничьи способности своего товарища. И ради этого столько времени? Орочимару усмехнулся.

— Я поймал их за последние пять минут.

Какаши не мог не признать, что все три зверя были живы и не ранены.

— Я хотел, чтобы они были свежими для нашей первой совместной трапезы. А до этого я наслаждался этой восхитительной погодой.

Какаши уловил фальшь в этих словах. Орочимару быстро добавил.

— А также присматривал за жителями ближайшей деревни. Тебе, наверное, будет приятно узнать, что за время моего пребывания там я заметил пару преступных деяний.

В словах Орочимару снова послышались нотки доброты. Какаши понял, что это происходит потому, что он совмещает слова с восприятием души Орочимару, что позволяет ему точно

определить, что имел в виду его собеседник, произнося каждое слово. Это было очень странно - слышать, как он играет. Он жестом указал на кипящую воду и открытую упаковку рамена рядом с ней.

Лицо Орочимару могло бы принадлежать маленькому мальчику, когда он оставил животных в руках Какаши. Они были напуганы до ужаса. Какаши понимал, почему свежесть означает, что их нужно было поймать всего за пять минут до этого, так как их маленькие сердечки вот-вот должны были сдаться. Натянув маску, он пронзил сначала двух птиц, поймав вторую всего за секунду до того, как она могла бы умереть от сердечного приступа. Мышь, у которой сердце билось чуть медленнее, продержалась бы дольше. Орочимару присел рядом с Какаши, пока кипяток действовал. Орочимару бросил взгляд на мышь, но махнул Какаши, чтобы тот продолжал наслаждаться. Снова хрустнули острые зубы Какаши, переломив мышке спину с меньшим усилием, чем потребовалось бы для того, чтобы сломать сухую веточку. Как и в случае с птицами, от силы укуса у него остались части мыши, которые он прокусил насквозь. Орочимару фыркнул.

— Собаки.

Рамен был готов.

Какаши подождал, чтобы начать говорить.

— Я хочу прояснить одну вещь.

Выражение лица Орочимару не изменилось, когда он проглотил последний кусочек.

— Я вообще не хочу, чтобы проводились какие-либо эксперименты на людях.

Орочимару нахмурился.

— Почему?

— Считайте это ностальгией.

Пояснил Какаши.

— Я прожил человеческую жизнь на протяжении всего своего существования, знал много прекрасных людей. Я был добр и заботился о них. Я еще не готов оставить все позади. Мне кажется, я хотел бы, чтобы это многое осталось со мной навсегда.

— Ах…

Орочимару кивнул.

— Конечно, я отказался от всех своих планов по проведению экспериментов над людьми, как только вы спросили. Но эту причину - сентиментальные сувениры - я могу понять.

Он поднял голову, услышав шорох - белка перепрыгивала с ветки на ветку недалеко от входа в его убежище.

— Но некоторые сувениры тебе дороже, чем другие, поэтому ты хранишь их и отказываешься от своей прошлой профессии - убивать убийц?

— Ты не видел убийц, но да.

Какаши покачал головой.

— Я не использую никаких своих более широких чувств, чтобы понять, что ты видел на самом деле. Здравого смысла достаточно, чтобы понять, что два преступления, свидетелем которых ты стал за полчаса в крошечной деревушке, не могли быть серьезными.

http://tl.rulate.ru/book/94930/3191958